

Станислав **БЕРНЕВ**,
начальник архива Управления ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области,
Дмитрий **МИТЮРИН**

«ПО ИЗМЕННИКАМ РОДИНЫ — ОГОНЬ!»

В период Великой Отечественной войны гитлеровские спецслужбы осуществляли массовую вербовку советских военнопленных в свои разведывательно-диверсионные школы.

В боях на невидимом фронте им отводилась незавидная роль «пушечного мяса». Но из чего, собственно, мог выбирать человек, поставленный между почти неизбежной смертью в фашистском концлагере или почти столь же вероятной гибелью от рук своих соотечественников? Сделанный каждым выбор зависел от множества сопутствующих факторов — начиная с отношения к своей Родине и кончая беспокойством за судьбу родственников. И любой из них мог заставить человека пойти по обратной дороге...

«СРОЧНО, СЕКРЕТНО...»

4 апреля 1942 года немецкая авиация совершила массированный налёт на Ленинград и на корабли Балтийского флота, о чём немецкая оккупационная газета «Правда»¹ писала: «...Германские атаки волна за волной устремились на советские военные суда. В линейный корабль «Октябрьская Революция» попала 1000-килограммовая германская бомба. Германской бомбой был повреждён и другой линейный корабль «Марат» (Петропавловск). Бомба весом 1000 килограммов попала в самую середину тяжёлого крейсера «Максим Горький», а тяжёлый крейсер «Киров» был повреждён прямым попаданием бомбы. После взрывов бомб на тяжело повреждённых советских судах весь район гавани был окутан густыми облаками чёрного дыма.

Одновременно были причинены большие разрушения также на кронштадтских молах и складах и в укреплениях Кронштадта и Ленинграда»².

А вот о чём эта газета не писала, так это о судьбе трёх немецких диверсантов, переходивших в этот же день по льду Финского залива линию фронта из Стрельны и угодивших под огонь советской артиллерии. Двое попытались вернуться обратно, но третий скосил их очередью из ППД*, после чего добрался до наших позиций, назвавшись Ушаковым Анатолием Денисовичем, бывшим краснофлотцем, попавшим в плен под Ораниенбаумом. Трупы двух других диверсантов были по снегу перетащены на советскую сторону, обысканы и сфотографированы³.

*ППД — пистолет-пулемёт В. А. Дегтярёва.

Расстрел изменника Родины Федощенко. 1-я Гвардейская дивизия, Юго-Западный фронт. 13 марта 1942 г. Кадр из кинолетописи «Юго-Западное направление». Производство ЦСДФ. 1942 г.

Спустя без малого два месяца в город Тихвин, в органы НКВД, явился ещё один раскаявшийся...

«Спецсообщение начальнику 2-го Управления НКВД СССР комиссару госбезопасности 2-го ранга товарищу Федотову»⁴

В апреле месяце сего года в восточных районах Ленинградской области был арестован ряд немецких разведчиков, выброшенных на парашютах с самолётов противника.

27 апреля сего года в городе Тихвин в органы НКВД явился с повинной в форме младшего лейтенанта Красной армии немецкий разведчик Голованов Иван

Сергеевич, 1915 г. р., беспартийный, уроженец Челябинской области. Голованов показал, что в июне 1941 года, будучи командиром взвода 533-го стрелкового полка, он в районе города Серия Латвийской ССР попал в плен к немцам. После этого немецкой разведкой Голованов был завербован для шпионажа и направлен в Варшаву в школу разведчиков, которую окончил.

В ночь на 25 апреля сего года Голованов вместе с другими немецкими разведчиками, бывшими военнослужащими Красной армии Захаровым и Печалиным были выброшены с самолётов в Тихвинском районе, имея задания собирать шпионские сведения о передвижении частей Красной армии и передавать их по имеющейся радиации немецкой разведке.

— Емельянов Виктор Александрович, бывший краснофлотец 2-й бригады моряков, перешедший на сторону противника в районе деревни Гостилицы.

— Балтрушевич Александр Алексеевич, бывший боец дивизии народного ополчения Кировского района, сдавшийся в плен к немцам в районе Красногвардейска.

— Ушаков Анатолий Денисович, бывший краснофлотец 3-й роты 7-й бригады моряков, сдавшийся немцам в плен в октябре 1941 года на Ленинградском фронте...

4 апреля сего года при переходе по льду Финского залива из посёлка Стрельна в Ленинград Емельянов и Балтрушевич были убиты. Ушаков арестован Особым отделом КБФ*. Ведётся следствие.

Вслед за Головановым в Тихвине был установлен и арестован выброшенный вместе с ним немецкий разведчик Захаров Николай Алексеевич, 1918 г. р., уроженец Татарской АССР, бывший сержант отдельного пулемётного полка Гродненского укрепрайона...

В Ленинграде по показаниям Захарова находится группа немецких разведчиков, фамилии которых он не знает. Эту группу в количестве трёх человек возглавляет бывший краснофлотец по имени Виктор Александрович. Группа переправлена в Ленинград немцами по льду Финского залива 4 апреля сего года в день большого налёта немецкой авиации на Ленинград. Проверкой показаний Голованова установлено, что факт переброски немцами в Ленинград 4 апреля сего года группы разведчиков действительно имел место. Этими разведчиками оказались

Начальник управления НКВД ЛО комиссар госбезопасности 3 ранга Кубаткин⁵ 29 мая 1942 года г. Ленинград»⁶

Явка с повинной в Тихвинское НКВД бывшего командира взвода, а ныне немецкого шпиона Ивана Голованова привела в действие жернова огромной машины, перемоловшей судьбы людей, о существовании которых никто даже и не догадывался.

Но обо всём по порядку...

МЯГКАЯ ПОСАДКА

В ночь на 25 апреля 1942 года с немецкого транспортного самолёта была выброшена не одна, а две группы по три

*КБФ — Краснознамённый Балтийский флот.

человека каждая. Десантироваться им предстояло в окрестностях Волховстроя. Однако в темноте лётчик промахнулся километров на 20–30, выбросив первую группу неподалёку от деревни Марковка Липногорского сельсовета, а вторую чуть дальше — у села Липная Горка (Тихвинский район).

Сразу же после высадки командир первой группы Голованов, по кличке Монах, предложил своим подчинённым Николаю Захарову и Николаю Печалину сходить в Тихвин поискать еды и ночлега. Идея идти в заполненный войсками райцентр показалась опасной, и приказ исполнять они отказались.

Голованов пошёл один, а затем вернулся с чекистами. Конечно, заподозривших неладное Захарова и Печали-

на на месте уже не было, однако 28 апреля Монах и сопровождавшие его военные контрразведчики всё же задержали Захарова на шоссе Тихвин — Будогощь. Печалина так и не нашли, но с учётом особенностей местности и насыщенности её советскими войсками шансов дойти до немцев у него было немного.

После этого Голованова снова вернули в Тихвин, где приступили к более обстоятельному допросам.

2 мая от его имени в немецкий штаб ушла радиограмма: «Приземлился благополучно, приступаю к выполнению задания, плохо с обеспеченностью».

Столь скромное начало радиоигры давало возможность не торопясь допрашивать арестованных и на основе полученной информации вырабатывать план дальнейших действий.

Пока военных контрразведчиков больше всего интересовала вторая группа, к поискам которой помимо гарнизонных частей и милиции привлекли местных жителей.

7 мая в Тихвине патруль задержал подозрительного, оказавшегося начальником второй группы диверсантов Куликовым Гурием Алексеевичем. Поняв, что запереться бессмысленно, тот быстро указал скамейку в городском саду, на которой его подждал другой член группы — Леонид Юшков. Третьего — радиста группы Жаворонкова — взяли в середине мая при невыясненных обстоятельствах.

9 мая от имени Голованова чекисты отправили вторую радиограмму: «В Тихвине гарнизоны всех родов войск, в городе

ние за проходившими через Волховстрой железнодорожными магистралями. Немецкую разведку особенно интересовал вопрос поставок англо-американского вооружения, куда и какие войска и техника перебрасываются, где расположены войсковые соединения и гарнизоны и какой они численности, какие и где именно находятся аэродромы, вооружение советских частей, в том числе средства борьбы с химическими атаками...

Собранные сведения диверсанты должны были ежедневно передавать по радиации.

При этом никакими явками их не снабдили, предоставив полную свободу действий по части поисков жилища и пропитания. Каждого из них одели в красноармейскую форму, снабдили фальшивыми

ка нанесут встречный и тоже неудачный удар с целью прорыва блокады Ленинграда) времени на серьёзную подготовку диверсантов у немцев уже не оставалось, и их в большом количестве забрасывали в советский тыл по принципу «кто не утонет, тот выплывет».

Зато военные контрразведчики действовали методично и целенаправленно, что, собственно, и предопределило ход дальнейших событий.

«ДОЛЖЕН ПРИЗНАТЬСЯ...»

Придя к выводу, что Голованов сообщил всё, что знал, и «искренне стал на путь раскаяния перед Советской властью», чекисты сосредоточились на Куликове.

В отличие от других арестованных, которым было немного за двадцать, он уже перешагнул тридцатилетний рубеж, имел высшее образование (Институт физической культуры имени Лесгафта), был членом ВКП(б) с 1930 года, служил в Красной армии в звании младшего лейтенанта и, самое главное, мог считаться матерым диверсантом.

Историю своего пленения и вербовки Куликов излагал следующим образом.

23 сентября, в самый разгар первого фашистского штурма Ленинграда, когда стороны обменивались спонтанными, а потому не всегда точными ударами и контрударами, 264-й артиллерийско-пулемётный батальон, в котором он служил помощником командира роты, угодил в окружение. Командир и комиссар батальона погибли, а Куликов сдался противнику вместе с 11 другими военнослужащими, находившимися на командном пункте. Свой партийный билет он зарыл в окопе и, хотя офицерского звания не скрывал, никаким персональным допросам не подвергался.

До ноября Куликов находился в пересыльном пункте военнопленных на станции Выра, где офицеры содержались в специальных бараках, ни на каких работах не использовались и, по его словам, «ничего не делали, только в карты играли».

В протоколе не зафиксированы попытки арестованного «пустить слезу» и оправдать своё сотрудничество с фашистами физическими страданиями, которые он испытывал в лагере. Во всяком случае, изложенные им мотивы предательства имели корыстные цели: «Еды нам не хватало, но я видел наших пленных, которые всегда были сыты и хорошо одеты. На мой вопрос, как они так устроились, они ответили, что были завербованы немецкой разведкой, и советовали мне поступить так же».

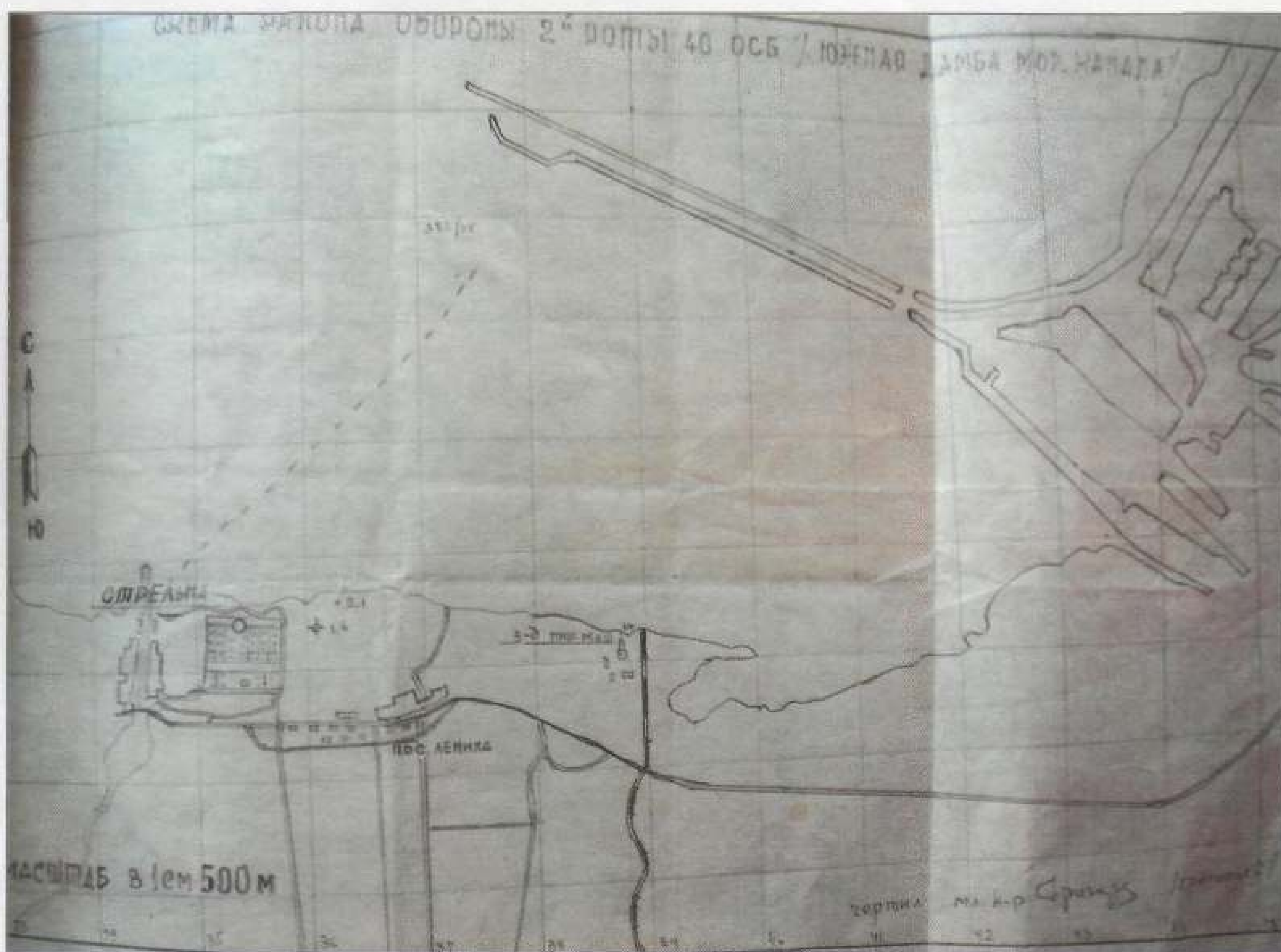

Схема перехода немецкими разведчиками по льду Финского залива из Стрельны в Ленинград.

введён строгий режим, работа затруднена. Красноармейцы имеют противогазы обывденной носки, продолжаю наблюдение за железной дорогой».

В течение последующего месяца, с периодичностью примерно по одной радиограмме в три дня, к немцам исправно шли сообщения, основанные на дезинформации, приготовленной в штабе Волховского фронта. И столь же исправно эти радиограммы принимались противником к сведению и докладывались командованию 18-й германской армии.

Допросы диверсантов между тем шли своим чередом, складываясь в следующую картину...

Группам Голованова и Куликова предстояло действовать абсолютно самостоятельно, выполняя целый комплекс задач, главной из которых являлось наблюдение

документами, выдали по пистолету или винтовке и по 3000 рублей. Кроме того, каждая группа получила рацию и две карты — Волховского района и других районов Ленинградской области⁷.

Шпионам предстояло собирать информацию до 10–14 июня, после чего они должны были перейти обратно через линию фронта. При встрече с солдатами вермахта следовало бросить оружие, поднять руки вверх и сообщить пароль по-немецки: «Я германский агент, проводите меня к полковнику Петерсону»⁸.

Как видим, в канун подготовки большого наступления (оно окажется сорванным, после того как советские войс-

Представитель немецкой разведки не замедлил появиться в лице некоего Владимира Николаевича — русского эмигранта из Риги, о внешности и круге обязанностей которого чекисты попросили рассказать поподробнее. Затем начались расспросы о пребывании Куликова в немецком разведывательном центре на так называемой Корниловской даче на станции Сиверская.

Но сведения из него приходилось буквально вытягивать.

На первом допросе, отвечая на вопрос: «Кого из других сотрудников немецкой разведки из числа советских военнопленных вы знаете?» — Куликов назвал только имена и давал очень общие описания («нос обыкновенный, рот обыкновенный, лицо круглое»)⁹. Однако уже со второго допроса едва ли не каждый следующий протокол начинается со слов: «Должен признаться, что в прошлый раз я не был до конца откровенен...»¹⁰

Сопоставление с протоколами других арестованных позволяет проследить кропотливую работу следователей, когда, собирая массу, казалось бы, второстепенной информации не только об обитателях Корниловской дачи, но и об обстоятельствах пленения или вербовки арестованных германских агентов, о том, в каких отношениях находилось руководство, курсанты и обслуживающий персонал дачи, составлялась своеобразная база данных, используя которую чекисты ловили допрашиваемых на противоречиях¹¹.

И наконец, шпионы прекрасно понимали, что по «законам военного времени» их ждёт только смерть, но цеплялись за брошенные следователями фразы: «Суд может учесть ваши откровенные показания». А поскольку идейных сторонников нацизма среди диверсантов не было, они готовы были сдать кого угодно ради сохранения жизни.

ИСПОВЕДЬ МОНАХА

Пока тихвинские следователи работали с Куликовым, допрашиваемый в соседнем кабинете Голованов рассказывал об обстоятельствах их знакомства.

Попав после окончания Варшавской разведшколы в Сиверскую, он не мог не обратить внимания на двух других курсантов, щеголявших в красной нарукавной повязке с фашистским орлом и непонятной надписью по-немецки. Впоследствии Голованов узнал, что одного из курсантов (Куликова) зовут Гурием (оперативный псевдоним — Пестриков), другого (Емельянова) — Виктором Александровичем (оперативный псевдоним — Водька) и свои повязки они получили за выполне-

ние шпионского задания в Ленинграде. Кроме того Монах сообщил, что в самом начале апреля Виктор Александрович с двумя другими курсантами был вторично отправлен за линию фронта¹².

Тихвинские чекисты отправили запрос в Ленинград, в Управление НКВД, и получили ответ, в котором рассказывалось о гибели под Стрельной двух диверсантов и о явке с повинной третьего. Раскаявшийся Ушаков был перевербован и отправлен обратно к немцам с душераздирающей историей о том, как он и его спутники попали под огонь, как товарищи погибли, а сам он с трудом перебрался через линию фронта, провёл больше недели в Ленинграде, узнал то-то и то-то.

К сожалению, нам не удалось узнать, поверили ли Ушакову немцы и чем вообще закончилась эта история, поэтому вернёмся к Куликову и Голованову. На фотографиях трупов Голованов опознал сиверских курсантов Емельянова и Балтрушевича, бывшего бойца народного ополчения Кировского района... Получив эту информацию, чекисты попросили рассказать о Водьке-Емельянове его «боевого товарища» — Куликова.

«Виктор Александрович Емельянов, псевдоним Водька, около 35 лет, до войны работал в Совторгфлоте. Имеет семью в Ленинграде, плавал за границу вторым или третьим помощником, служил в РККА средним командиром флота. Сдался в плен к немцам под Ораниенбаумом.

В период моего пребывания в Ленинграде с 26 февраля по 8 марта 1942 года был моим начальником и проживал на квартире своей жены. К сбору шпионских сведений меня не привлекал, заявляя, что узнает всё сам»¹³.

На запрос в штаб Балтийского флота пришла справка о том, что в сентябре 1941 года помощник капитана транспортного корабля «Пярну» В. А. Емельянов под надуманным предлогом отказался выполнить приказ о транспортировке баржи № 1043 из Ленинграда в Кронштадт, за что вместе с капитаном был разжалован в рядовые и направлен в штрафной батальон¹⁴.

СЕМЬЯ ШПИОНА

Собранные тихвинскими чекистами данные были направлены в Ленинград и послужили основанием для ареста родственников Емельянова. Из их показаний выяснилось следующее...

26 февраля 1942 года бывший помощник капитана появился на своей ленинградской квартире и рассказал жене Надежде Емельяновой о том, что он сдался в плен немцам и находится в городе нелегально. Несколько позже Емельянов по-

ведал о том же своему шурину Василию Войтко-Васильеву и теще Александре Игнатьевне Войтко-Васильевой. Более того, он привлёк их к сбору разведывательных сведений о состоянии обороны и настроениях жителей Ленинграда.

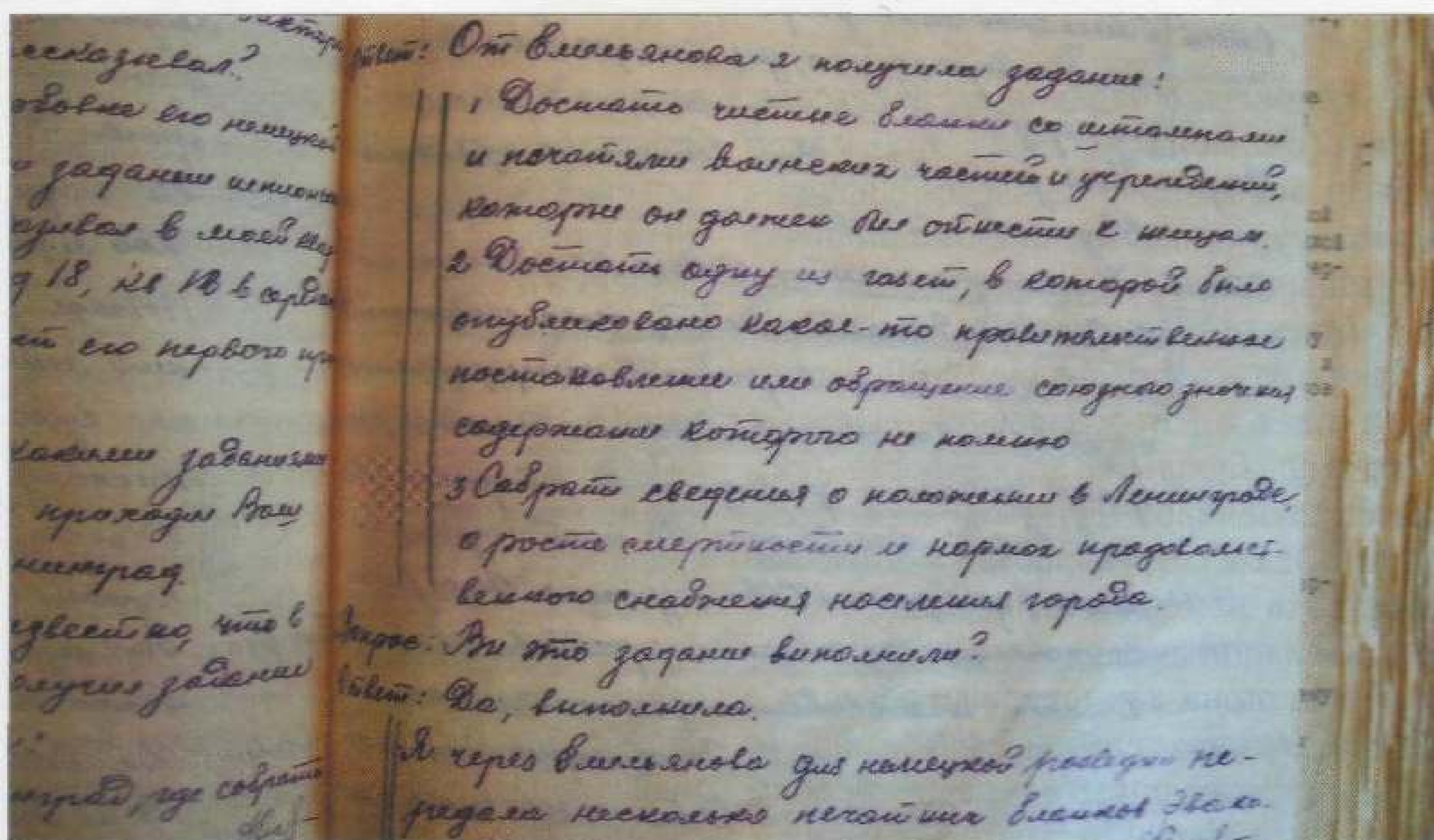
Емельянова, работавшая в эвакогоспитале № 1171, по поручению мужа выкрала бланки эвакогоспиталя и образцы эвакуационных удостоверений и сообщила сведения о расположении известных ей точек ПВО. Её брат Василий, трудившийся на заводе № 49, сообщил о том, какие ленинградские предприятия прекратили свою работу из-за отсутствия топлива, а также продал две украденные с родного предприятия гранаты. При этом Емельянова пояснила: «Всего я получила 7000 рублей, измену я совершила не по политическим соображениям и не потому, что была настроена враждебно по отношению к Советской власти, а исключительно в силу моральной подавленности по причине смерти отца (умер в первую блокадную зиму. — Авт.) и голода». Войтко-Васильев почти слово в слово повторил заявление сестры и назвал общую сумму своих шпионских гонораров — 1000 рублей и махорка¹⁵.

Бесспорно, что до прихода кормильца семья Емельяновых бедствовала, так же как и другие ленинградцы, распродавая всё более или менее ценное имущество. (В результате по ходу следствия в отдельное производство было выделено дело адъютанта начальника санитарно-эпидемиологической лаборатории № 317 Олега Минченко, скупавшего у Емельяновой семейные драгоценности.)

Наверное, тяжелее всего в этом деле читать показания тещи шпиона, которая ссылаясь на неграмотность и, рассказывая о мотивах своего сотрудничества с немцами, выдвинула классический в своей простоте аргумент: «Я как мать не могла предать своих детей»¹⁶.

А что же дети? Арестованная Емельянова показала, что, когда 14 апреля с приветом от мужа к ним на квартиру пришли ещё три немецких шпиона — некие Григорий, Анатолий и Николай, мать не только помогала их укрывать, но и продала Григорию оставшийся от покойного супруга «вальтер» за 500 рублей. Дальше больше: «Подтверждаю, что мать моя в ходе беседы с Григорием заявила: «Если бы я могла прийти в Смольный, я положила бы яду в пищу для наших руководителей и отравила бы их». Тогда же мать сказала, что она если могла бы, то готова была пожертвовать собой, чтобы взорвать всех руководителей в Смольном»¹⁷.

Ошарашенная предательством дочери, Войтко-Васильева взывала на суде:

Страница уголовного дела.

М. Куликова.

«В отношении наших руководителей я сказала, что они только едят что угодно и сыты. Никаких контрреволюционных разговоров я не вела и террористических намерений не имела... Эти показания дочери я не подтверждаю. С дочерью у меня самые лучшие отношения, и я не знаю, почему она это показывает». Но дочь свои показания подтвердила даже на очной ставке.

СЕМЬЯ ДРУГОГО ШПИОНА

Разобравшись при помощи Куликова с предательской деятельностью семьи Емельянова, военные контрразведчики занялись проверкой родственников и близких самого Куликова.

В ходе их допросов выяснилось, что в период с 26 апреля по 8 марта 1942 года они также укрывали своего мужа и зятя, причём если тёща и сестра были виновны только в недоносительстве, то его жена Мария (урождённая Пестрикова) ещё и в пособничестве, поскольку, подобно супруге Емельянова, шила маскхалат для своего благоверного и сообщала ему о расположении точек ПВО города.

Согласно показаниям тёщи Куликова Александры Никитичны Пестриковой, узнав, что зять работает на немцев, она стала осыпать его упрёками. В ответ он напомнил ей о судьбе пропавшего без вести на фронте сына: «Откуда вы знаете, может быть, Алексей, как и я, на немцев сейчас работает»¹⁸.

Уже после ухода диверсантов к Пестриковой из Тихвина прибыл другой её сын — Николай, работавший старшим оперуполномоченным в областном управлении милиции. Узнав о визите своего родича-диверсанта, он, согласно показа-

ниям Марии Пестриковой, «возмущённый говорил, что таких надо расстреливать», однако своему руководству ничего сообщать не стал.

Чекисты выделили дело Пестрикова в отдельное производство¹⁹. Бесспорно, их не могло не насторожить, что Куликов, избравший, кстати, в качестве псевдонима девичью фамилию своей жены, был арестован именно в Тихвине, где как раз в это время вместе с другими сотрудниками областного управления милиции находился и Пестриков. Более того, проплутав десять дней по лесам и съев все запасы, Куликов отправился в Тихвин именно к Пестрикову, рассчитывая получить от него помощь. Отсюда возникал вывод: немецкие разведчики знали, что Пестриков находится в Тихвине, что он не донёс о визите родственника куда следует, и, видимо, считали его персонажем, созревшим для вербовки. По-видимому, вербовка всё-таки не вошла в задачу Куликова, однако сделать соответствующую попытку ему не возбранялось. И он её сделал, когда другого

выхода у него не оставалось. Правда, до Пестрикова он так и не добрался.

Старшего оперуполномоченного арестовали только 30 июня, видимо, убедившись, что никаких контактов с немецкой разведкой он не поддерживает, а следовательно, ловить на него как на живца вражеских эмиссаров бессмысленно.

Рассказывая о том, почему не доложил руководству, Пестриков заявил, что был «воспитан партией и комсомолом, как боец с бандитизмом, пользуется авторитетом среди товарищей и не хотел лишиться всего этого». Признал он, что играли свою роль и родственные чувства: «Я решил, что может быть Куликова застрелят при переходе линии фронта и всё закончится». Надежда не оправдалась.

ПРИГОВОР

Обычное для западной юридической практики правило, согласно которому члены семьи могут не давать показания против своих родственников, в Советском Союзе не действовало никогда, а уж во время Великой Отечественной не могло даже сыграть роль смягчающего обстоятельства. Сурово? Да, даже жестоко.

Но следует вспомнить, что события, о которых мы вели речь, происходили в блокадном Ленинграде, что сбор немецкими диверсантами разведывательных данных означал в перспективе гибель ещё десятков, если не сотен наших солдат и мирных граждан...

Приговором военного трибунала Балтийского флота от 16 июня 1942 года осуждены:

Емельянова Надежда Афанасьевна, 1914 года рождения, служащая эвакогоспиталя № 1171, к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией всего лично принадлежащего ей имущества;

Войтко-Васильев Василий Афанасьевич, 1918 года рождения, состоящий на заводе № 49, к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией всего лично принадлежащего ему имущества;

Войтко-Васильева Александра Игнатьевна, 1896 года рождения, вдова, малограмотная, находящаяся на иждивении своих детей, к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией всего лично принадлежащего ей имущества;

Куликова Мария Петровна, 1910 года рождения, состоящая на службе в 28-м отделении связи в должности почтальона, к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией всего лично принадлежащего ей имущества;

Пестрикова Александра Никитична, 1881 года рождения, вдова, неграмотная,

НАША СПРАВКА

Для подготовки агентуры из числа бывших советских военнопленных германскими спецслужбами было создано более 50 разведшкол, которые каждые 2–3 месяца подготавливали до 1,5 тысячи шпионов, диверсантов и террористов.

Значительная часть этих кадров направлялась в блокадный Ленинград и расположение частей Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов, куда они пытались пробраться либо по суше, либо водным путём через Ладожское озеро, реке — через Неву или Финский залив.

За время Великой Отечественной войны Управлением НКВД—НКГБ по Ленинградской области было разоблачено 727 агентов немецких разведок и 53 агента финской разведки.

Из общего числа разоблачённых агентов были перевёрбованы и переброшены обратно через линию фронта — 249 человек.

За измену Родине арестовано 1710 человек.

За предательство и пособничество оккупантам арестован 961 человек.

состоящая на иждивении детей, — к 10 годам в ИТЛ, с поражением в правах и с конфискацией имущества;

Куликова Александра Алексеевна, 1895 года рождения, состоящая на службе на заводе «Новая Бавария», — к 12 годам лишения свободы в ИТЛ, с поражением в правах на три года²⁰;

Пестриков Николай Петрович получил 10 лет и оказался единственным фигурантом этого дела, вышедшим на свободу²¹.

«СРОЧНО СЕКРЕТНО...» ВМЕСТО ЭПИЛОГА

«Спецсообщение

Народному комиссару Внутренних дел Союза ССР, Генеральному комиссару госбезопасности тов. Берии

...Принимая во внимание что Куликов, Захаров и Юшков не явились добровольно в органы НКВД и имели намерение проводить подрывную шпионскую деятельность в тылу Красной армии, руководствуясь приказом НКВД СССР № 214 от 23 мая 1942 года полагал бы

Первое.

Куликова Гурия Алексеевича, 1908 г. р., уроженца Ленинграда, русского, гражданина СССР, члена ВКП(б) с 1930 года, окончившего Ленинградский институт физической культуры, из крестьян-середняков, младшего лейтенанта Красной армии, пом. ком. роты 264-го пулемётного батальона

Захарова Николая Алексеевича 1918 г. р., уроженца Татарской ССР, Акташского района, села Большой Батраш, русского, бывшего члена ВЛКСМ, исключённого за пьянку в 1940 году, сержанта Красной армии, командира отделения 9-го отдельного пулемётного батальона Гродненского укрепрайона

Юшкова Леонида Александровича, 1909 г. р., уроженца Башкирской ССР, Красноармейского района, села Николо-Берёзовка, русского, гражданина СССР, беспартийного, окончившего семилетку, красноармейца 487 стрелкового полка

Как изменников Родины, ставших на путь предательства интересов совет-

ского государства и активной помощи врагу, нарушивших военную присягу расстрелять.

О родственниках Захарова и Юшкова сообщить в НКВД Татарской и Башкирской ССР для репрессирования как членов семьи изменников Родины. Согласно приказу НКВД СССР № 001552 от 10 ноября 1941 года

Голованова Ивана Сергеевича, 1915 г. р., уроженца Челябинской области Курталишинского района, села Иберина, русского, гражданина СССР, члена ВЛКСМ, младшего лейтенанта РККА, командира пулемётной батареи 1 батальона 331 стрелкового полка, 128 стрелковой дивизии добровольно явившегося в органы НКВД, оказавшего содействие в поимке разведчиков Куликова и Захарова, помогавшего отысканию парашюта, рации и разоблачению остальных разведчиков привлечь к работе по дальнейшему внедрению в органы немецкой разведки.

Прошу Вашей санкции

Начальник управления НКВД ЛО комиссар госбезопасности 3 ранга Кубаткин 29 мая 1942 года
г. Ленинград»²²

«Спецсообщение 8 июня 1942 года

Решением Особого совещания при НКВД

СССР разведчики Захаров, Юшков, Куликов и Жаворонков приговорены к расстрелу с приведением приговора в исполнение публично на месте их задержания.

7 июня сего года в районе деревни Липная Горка Тихвинского района приведён в исполнение приговор в отношении Куликова и Юшкова. При расстреле присутствовали 50 человек колхозников. Большинство члены семей военнослужащих Красной армии, принимавшие участие в розыске и задержании парашютистов. Приговор приводили в исполнение 12 бойцов 5-й стрелковой дивизии войск НКВД. Присутствующим колхозникам было разъяснено, что осуждённые являются немецкими шпионами, изменниками социалистической Родины, что будучи выброшены немцами для шпионской работы в тыл Красной армии они не явились добровольно с повинной в органы советской власти и были как изменники Родины судом приговорены к расстрелу.

Объявление приговора колхозниками было встречено бурными аплодисментами. Расстрел был произведён залпом по команде: «По изменникам Родины огонь!»

Начальник управления НКВД ЛО комиссар госбезопасности 3 ранга Кубаткин 8 июня 1942 года
г. Ленинград»²³

Примечания

1. Оккупационная газета «Правда» издавалась отделом немецкой пропаганды группы армий «Север» в г. Риге в 1941–1944 гг. Подробнее см.: Бернев С. К. Периодическая печать на оккупированной территории Северо-Запада России (1941–1944)//Вестник молодых ученых (СПб.). Серия Исторические науки. 2006. № 2. С. 43–47.
2. Разгром остатков советского Балтийского флота//Правда. 1942. № 16. 11 апр.
3. Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ СПб и ЛО). Ф. 12. Д. 6. Л. 5–6.
4. Федотов Пётр Васильевич (1900–1963) — генерал-лейтенант (1945). С февраля 1941 г. — начальник 2-го управления

НКГБ СССР, с июля 1941 г. — начальник Контрразведывательного управления НКВД СССР. С мая 1943 г. — начальник 2-го управления НКГБ СССР.
5. Кубаткин Пётр Николаевич (1907–1950) — генерал-лейтенант (1945). С июля 1941 г. — начальник 3-го спецотдела НКВД СССР, с 24 августа 1941 г. до 15 июня 1946 г. — начальник Управления НКВД—НКГБ—МГБ по Ленинградской области. С июня 1946 г. — начальник 1-го главного управления МГБ СССР. С осени 1946 г. до ареста в 1950 г. начальник Управления МГБ по Горьковской области. Военной коллегией Верховного Суда СССР осуждён по ст. 58-1а и 58-7 УК РСФСР (по так называемому «Ленинградскому делу») к высшей мере

наказания и расстрелян. 26 мая 1954 г. дело по обвинению Кубаткина П. Н. прекращено за отсутствием состава преступления.
6. АУФСБ СПб и ЛО. Ф. 12. Д. 6. Л. 55.
7. Там же. Л. 70.
8. Там же. Л. 54.
9. Там же. ФУД. Д. 62102. Допрос Куликова Г. А. от 7 мая 1942 г. Л. 26.
10. Там же. Допрос Куликова Г. А. от 8 мая 1942 г. Л. 36.
11. Там же. Допрос Куликова Г. А. от 8 мая 1942 г. Л. 36.
12. Там же. Ф. 12. Д. 6. Л. 57.
13. Там же. ФУД. Д. 62102. Л. 54. Допрос Куликова Г. А. от 07 мая 1942 г.
14. Там же. Справка военной прокуратуры КБФ от 15 мая 1942 г. Л. 29.

15. Там же. Л. 210.
16. Там же. Протокол судебного заседания Военного трибунала КБФ. Л. 47.
17. Там же. Л. 49.
18. Там же. Л. 54.
19. Там же. ФУД. Д. 3567. Л. 90.
20. Там же. Д. 62102. Л. 212.
21. Там же. Д. 3567. Л. 98.
22. Там же. Ф. 12. Д. 6. Л. 78.
23. Там же. Л. 91. Адресатами этого сообщения являются руководители обороны Ленинграда — первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии А. А. Жданов, секретари Ленинградского горкома партии А. А. Кузнецов и Ф. П. Штыков, а также командующий Ленинградским фронтом Л. А. Говоров.